

УДК 811.161.1' 367.7

Савостина Д.А.*Московский государственный областной университет***СУБЪЕКТ И СУБЪЕКТИВНОСТЬ ИМПЕРАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА)**

Аннотация. В статье определена специфика императивных высказываний как грамматического средства субъективности и экспрессии на материале поэтических текстов русской литературы первой половины XX века. Автор показывает особенности императивной модальности, способы выражения субъекта, решает вопрос о соотношении субъекта речи и субъекта потенциального действия. Анализ языкового материала показывает, что модальность императивного высказывания следует считать объективно-субъективной категорией, а субъект – контаминацией коммуникативного и синтаксического аспектов языка. *Ключевые слова:* императивное высказывание, императив, объект, субъект речи, субъект потенциального действия, модальность.

D. Savostina*Moscow State Regional University***THE SUBJECT AND SUBJECTIVITY OF IMPERATIVE STATEMENTS
(ON THE MATERIAL OF POETIC TEXTS OF RUSSIAN LITERATURE
OF THE 1ST HALF OF THE 20TH CENTURY)**

Abstract. The article reveals the specific of imperative statements as grammatical means of subjectivity based on the material of poetic texts of Russian literature of the 1st half of the 20th century. The author studies the features of imperative modality, the ways of expressing the subject of speech and the subject of potential action. After analyzing the language material, the author concludes that imperative modality should be considered as an objective and subjective category, and that subject should be considered as a contamination of communicative and syntactic aspect of the language.

Key words: imperative statement, imperative, object, subject of speech, the subject of potential action, modality.

Формы императивного значения в поэтических текстах русской литературы 1-ой половины XX века – это «грамматические субъективы» с повышенным уровнем экспрессивной коннотации. Волеизъявление, побуждение к действию, как правило, сопровождается какой-либо эмоцией,

исходящей от говорящего, в данном случае – от субъекта волеизъявления. «Повелительное наклонение, выражая волю говорящего, побуждающую собеседника стать производителем, субъектом какого-нибудь действия, принадлежит к эмоционально-волевому языку и характеризуется особой интонацией» [5, с. 464].

© Савостина Д.А., 2014.

Важно решить вопрос о способах выражения субъекта и объекта, а также охарактеризовать их соотношение с модальным планом императивного высказывания.

Императивная модальность, на наш взгляд, может быть признана категорией объективно-субъективной, поскольку, с одной стороны, говорящий устанавливает отношение процесса к действительности, с другой стороны, говорящий выражает собственное отношение к сообщаемому. «Кроме заложенного в системе форм предложения объективно-модального значения, относящего сообщение в план реальности-ирреальности, каждое высказывание, построенное на основе той или иной отвлечённой схемы предложения, обладает субъективно-модальным значением. Если объективно-модальное значение выражает характер отношения сообщаемого к действительности, то субъективно-модальное значение выражает отношение говорящего к сообщаемому» [6, с. 543]. В пользу императивной модальности как объективно-субъективной категории свидетельствуют рассуждения Ю.С. Степанова: «"Субъективная" модальность может быть приписана только лицу «я» и выражена в самом предикате. Напротив, «объективная» модальность может быть вынесена вне предиката в «модальную рамку» и означает, в сущности, не модальность, а кажимость» [11, с. 242]. В императиве нам представляется это следующим образом. Субъективная модальность: импульс волеизъявления исходит от говорящего, выражает его отношение к сообщаемому. Объективная модальность: модальность не вынесена за рамки предиката, но

исполнение действия, заложенного говорящим в предикат, зависит не от субъекта речи, а от объекта волеизъявления, потенциального субъекта действия. «Воля субъекта к реализации действия другим субъектом по существу обозначает модальное отношение (желательности, нежелательности, возможности, невозможности) субъекта волеизъявления к действию и модальное отношение опосредованного долженствования или возможности-невозможности между субъектом потенциального действия и действием, т. е. долженствования или возможности с точки зрения субъекта волеизъявления» [3, с. 55-56]. Г.А. Золотова указывает на три аспекта модальности: объективно-модальный (отношение содержания высказывания к действительности с точки зрения говорящего), субъективно-модальный (отношение говорящего к содержанию высказывания) и внутрисинтаксический (отношение субъекта действия к действию) [8, с. 140-157]. В императиве реализуются первые два аспекта. Внутрисинтаксический аспект не очевиден, так как через императивный предикат мы не можем понять отношение потенциального исполнителя к действию, ему предписанному. Говорящий, высказывая волеизъявление, отнюдь не уверен в исполнении своей просьбы, реализация действия возможна, но не обязательна и координируется потенциальным агенсом. Таким образом, перед нами ситуация двойной субъективации, императив бивалентен, он «окружён» субъективностью со стороны говорящего и со стороны адресата, от личного (то есть субъективного) решения которого зависит реализация императивного действия.

*Юноша бледный со взором горящим,
Ныне даю я тебе три завета: Первый
прими: не живи настоящим, Толь-
ко грядущее – область поэта. Помни
второй: никому не сочувствуй, Сам
же себя полюби беспредельно. Третий
храни: поклоняйся искусству, Только
ему, безраздумно, бесцельно* (В. Брю-
сов). На отношение потенциального
агенса к действию могут косвенно ука-
зывать сопутствующие, вспомога-
тельные, компоненты речевой ситуации –
описание реакции на побуждение в
следующем за императивом контексте
(как правило, ситуация диалога) или –
шире – общий сюжетный смысл про-
изведения. «Вставай, проклятьем за-
клеяменный» – радостная выстрелила
весть. В ответ миллионный голос: «Го-
тово!» «Есть!» (В. Маяковский).

Если говорящий обращается к не-
одушевлённым предметам, к персо-
нифицированным силам природы,
реализация императивного действия
ставится под сомнение по причинам
экстралингвистическим. *Солнце! Отец
мой! Сжался хоть ты и не мучай!* (В.
Маяковский); *Готовь, земля, цветам
из рос напиток, Дай сок стеблю...* (И.
Северянин); *Хорони, хорони меня, ве-
тер!* (А. Ахматова) Исключение со-
ставляют тексты, в основу которых
положено олицетворение как основ-
ной приём раскрытия идейного за-
мысла произведения. *И так однажды
разозлясь, что в страхе всё поблекло, в
упор я крикнул солнцу: «Слазь! Доволь-
но шляться в пекло!» <...> Я крикнул
солнцу: «Погоди! Послушай, златолобо,
чем так без дела заходить, ко мне на
чай зашло бы!» Что я наделал? Я погиб!
Ко мне, по доброй воле, само, раскинув
луч-шаги, шагает солнце в поле. <...>
В окошки, в двери, в щель войдя, вали-*

*лась солнца масса, ввалилось; дух пере-
ведя, заговорило басом: «Гоню обратно
я огни впервые с сотворенья. Ты звал
меня? Чаи гони, гони, поэт, варенье!»*
(В. Маяковский)

В области субъективной модально-
сти императива нам видится явление
контаминации, сочетания трёх прояв-
лений субъективности: 1) субъектив-
ность как грамматическая категория,
выражающаяся в отношении действия
к действительности, определяемого го-
ворящим, и в отношении говорящего к
действию, 2) субъективность как по-
тенциальная возможность/невозмож-
ность осуществления действия адре-
сатом императивного высказывания, то
есть зависимость реализации действия
от индивидуального решения объек-
та речи, 3) субъективность как общее
качество, присущее любому поэтиче-
скому тексту, общим пространством
которого управляет автор, подчиняя
своей, субъективной, воле замысел,
композицию, выбор языковых средств
(Ср.: субъективный – ‘1. относящийся
к субъекту, свойственный субъекту; 2.
связанный с выражением отношения,
эмоций, желаний говорящего’ [2, с.
462]). Императивная модальность вы-
ходит за рамки лингвистической ка-
тегории и определяется также экстра-
лингвистическими факторами. При
этом аппеллятивное высказывание не
может существовать без субъекта во-
леизъявления и без субъекта потен-
циального действия. От последнего
зависит непосредственно реализация
императивного действия.

Субъект – понятие многоплановое,
неоднозначное. Словарная статья даёт
четыре значения: ‘1. То же, что подле-
жащее. 2. В логике – предмет суждения,
который определяется и раскрывается

в своём содержании предикатом. 3. Тот (то), кто (что) познает, мыслит и действует, в отличие от объекта, как того, на что направлены мысль и действие. 4. Человек как носитель каких-либо свойств [4, с. 1074]. «Субъект предложения – синтаксически независимый субстанциональный компонент субъектно-предикативной структуры, обозначающий носителя предикативного признака» [7, с. 133].

В побудительных предложениях с предикативным центром, выраженным императивным глаголом, очевидна проблема «соотношения субъекта предикативного признака и субъекта оценки, субъекта речи, взаимодействия планов персонажа и рассказчика» [7, с. 155]. Лирический герой в поэтических текстах, от лица которого ведётся повествование, то есть субъект речи, наделяющий императив модальностью оценки, желательности исполнения действия, не может быть синтаксическим субъектом. «Синтаксический субъект обнаруживается в сочетании слов, между которыми существуют отношения «предмет и его признак» <...> в плане означаемого синтаксический субъект – это носитель признака; в плане означающего – это грамматически господствующее слово по отношению к слову, в котором заключён признак» [10, с. 139]. Учитывая проблему соотношения грамматической формы предложения и формы заключённого в нём суждения, следует отнести субъект речи в область суждения, в план рассказчика, выведя его при этом за границы поля персонажа. Эмпирический уровень восприятия текста позволяет читателю составить представление о присутствии субъекта речи на основании экстра-

лингвистических причин: импульс волеизъявления должен от кого-то исходить. В ряде текстов информация о говорящем может быть восполнена из косвенной речи, из контекстного окружения. Ср.: *Бросьте! Забудьте, плюньте и на рифмы, и на арии и на розовый куст, и на прочие мелехлюндии из арсеналов искусств* (В. Маяковский); *Вам говорю я – <...> говорю вам — пока вас прикладами не прогнали: Бросьте!* (В. Маяковский), *Сказав планетам: «Приготовьте Мне век», спустился я в Москве* (И. Северянин); *Она так ласково взгрустнет, Как векише, сердцу скажет: «Прыгай!»* (И. Северянин); *На звёзды смотрит он: «Поймите Мою любовь к царице чар!» Он обращается к Кандас: «Пойми, Балькис меня отвергла...»* (И. Северянин); *Царь Эфиопский Валтасар Вскричал рабам: «Поторопитесь! <...> Снимайте пыльные тюки...»* (И. Северянин). Таким образом, мы разделяем понятия «субъект речи» и «субъект-потенциальный исполнитель действия» применительно к разным аспектам языка; говорящего понимаем как субъекта суждения, как коммуникативного субъекта, а агенса как синтаксического субъекта грамматической формы императивного предложения.

В семантико-синтаксической характеристике императивного предложения позиция говорящего занимает значительное место. Субъект речи осуществляет различные коммуникативные функции: 1) каузирует выполнение действия потенциальным агенсом; 2) констатирует своё волеизъявление, направленное на осуществление действия субъектом, не участвующим в акте коммуникации; 3) демонстрирует желание, намерение

самому осуществить действие. Перечисленные функции характерны также для оптативных конструкций, что подтверждает генетическое родство форм повелительного и сослагательного (условного, желательного) наклонений. В зависимости от коммуникативной функции говорящего субъект потенциального действия приобретает соответствующий способ выражения и частное значение. «В функции «субъекта желающего» говорящим предопределяется значение первого синтаксического лица при формах субъекта *я, мы, мне, нам*. Функция «субъекта каузирующего» предполагает наличие в предложении адресата, то есть значение второго синтаксического лица с формами субъекта *ты, вы, тебе, вам*. Функция «субъекта констатирующего» прослеживается в предложениях со значением третьего синтаксического лица, содержащих субъект в форме личного местоимения третьего лица (*он, она, оно, они, ему, ей, им*) или субстантива в им. / дат. падежах» [1, с. 21]. Таким образом, основным средством выражения отношения высказывания к участникам коммуникативного акта служит морфологическая категория лица глагола.

Субъект потенциального действия в высказываниях с предикатом, выраженным глагольной императивной формой, приобретает агентивный характер, поскольку приписываемый ему процессуальный признак выражается глаголом [10, с. 143-144]. Персональность («отнесённость разноразличных коммуникативных средств языка в составе высказывания или отнесённость самого высказывания к одному из трёх лиц речевого акта» [12, с. 25]) императива определяет форму

синтаксического субъекта через отнесённость высказывания к говорящему, к собеседнику или к 3-ему лицу, не являющемуся участником коммуникативного акта. Субъект потенциального действия может совпадать в плане выражения с подлежащим и выражаться формами местоимений или субстантивом (*Если царевич за мной придет, Ты объясни ему дорогу. Пусть он в степи меня нагонит* (А. Ахматова); *И пусть над нашим смертным ложем Взовьётся с криком воронье* (А. Блок)), либо быть выражен имплицитно, но подразумеваться через отношение независимого процессуального признака к 1-ому, 2-ому или 3-ему лицу. Вербальная невыраженность субъекта синтаксически значима, она указывает на его определённо-личное, неопределённо-личное или обобщённо-личное значение. Необходимости в обозначении субъектного детерминанта нет, так как субъект очевиден из глагольной формы императива. Например:

Определённо-личный субъект (соотносится с формами 1, 2 –го лица): *Знай одно: что завтра будешь старой. Пей вино, правь тройкой, пой из Яра. Синеокою, цыганкой будь. Знай одно: никто тебе не пара – И бросайся каждому на грудь* (М. Цветаева); *Прощай, возьми ещё колечко. <...> Лети, как пролетала, тая, Ночь огневая, ночь былая... Ты, время, память притуши. А путь снежком запороши* (А. Блок); *Возьми и небо заново вышей, Новые звёзды придумай и выставь, чтоб, испуганно царапая крыши, в небо карабкались души артистов* (В. Маяковский); *Пересмотрите всё моё добро, Скажите – или я ослепла? Где золото моё? Где серебро? В моей руке лишь горстка пепла!* (М. Цветаева); *И морю*

говорит (Ариост): – **Шуми** без всяких дум. И деве на скале: – **Лежи** без покрывала... **Рассказывай** ещё – тебя нам слишком мало <...> Покуда в жилах кровь, **рассказывай, спеши**... (О. Мандельштам); **Летишь** в экспрессе — **жди** крушенья! Ткань доткана — что ж, в клочья **рви**! Познав восторг — **познай** страданья (И. Северянин); Молвит баба: – **Дайте** мне всю программу разом! (В. Маяковский); Земной оградой сердце **не томи, Не пристращайся** ни к жене, ни к дому, У своего ребёнка хлеб **возьми**, Чтобы его отдать чужому. И будь слугой смиреннейшим того, Кто был твоим кромешным супостатом, И **назови** лесного зверя братом, И **не проси** у Бога ничего (А. Ахматова).

Неопределённый субъект (соотносится с формами 3-го лица множественного числа). **Пусть назовут** безмолвною зимой И вечные навек **захлопнут** двери. И всё-таки узнают голос мой. И всё-таки опять ему поверят (А. Ахматова), **Пусть** по Америке – по Северной, по Южной – **гонят** брюх ваших мячище футбольный! (В. Маяковский); **Может быть, теперь** пивную Выстроят на этом месте?! **Пусть не смеют**, – я сломаю! Отомищу за честь старушки! (И. Северянин); **Смерти нет** – это всем известно, **Повторять это стало пресно, А что есть – пусть расскажут** мне (А. Ахматова).

Обобщённый субъект (представлен в ситуации, когда на месте субъекта может оказаться любой). **Железо куй**, пока горячее. Жалеть о прошлом – дело рачье (В. Маяковский); Если кроха протухла, плеснитса, **выбрось** весь прогнивший кус (В. Маяковский); **Вскрыла жилы: неостановимо, Невосстановимо хлещет жизнь. Подставляйте** миски и тарелки! Всякая тарелка будет –

мелкой (М. Цветаева); **Верьте** Музыке: проведёт Сквозь гранит. Ибо Музыка – динамит (М. Цветаева); **Запирайте** этажи, Нынче будут грабежи! **Отмыкайте** погреба – Гуляет нынче голытьба (А. Блок); **Можно** убедиться, что земля поката – **сядь** на собственные ягодицы и **катись**! (В. Маяковский)

Косвенную экспликацию субъект может получить в формах вокатива (Вздыхни, вздохни ещё, чтоб душу взволновать, **Печаль моя!** Мы в сумерках блуждаем И, обречённые любить и умирать, Так редко о любви и смерти вспоминаем (Г. Иванов); На заре морозной Под шестой берёзой За углом у церкви Ждите, **Дон-Жуан!** (М. Цветаева)).

Синтаксический субъект может совпадать с подлежащим, выраженным формой определительного местоимения, соотносимого через форму императива со 2-ым лицом множественного числа: **Бегите все** на зов! на лов! (А. Блок); **Идите все**, идите на Урал! (А. Блок); **Входите все**. Во внутренних покоях Завета нет, хоть тайна здесь лежит (А. Блок).

Отдельного рассмотрения заслуживает субъект императивных предложений с формой сослагательного наклонения. Как отмечает В.Е. Иосифова, «субъект действия в побудительных предложениях с формами сослагательного наклонения может быть представлен неодинаково. В одних выражается личными местоимениями, в других – обращениями, в третьих – тем и другим, а иногда и совсем не обозначается. При императивном употреблении этих глагольных форм наблюдается соответствующее грамматическое приспособление их к этой функции в виде специфической интонации и сочетания с грамматическими показате-

лями лица адресата подобно формам повелительного наклонения» [9, с. 35].

Персональность может поддерживаться окружающим контекстом; местоимение (или субстантив), употреблённое только в одном предложении текста, соотносится с императивными формами в остальных предложениях, по структуре двусоставных неполных (При жизни **Вы** его любили, И в верности клялись навек, Несите же венки из лилий На свежий снег. Над горестным его ночлегом Помедлите на краткий срок, Чтоб он под этим первым снегом Не слишком дрог. Дыханием души и тела Согрейте ледяную кровь! Но, если в Вас уже успела Остыть любовь – К любовнику – любите брата (М. Цветаева); **Работай, работай, работай: Ты** будешь с уродским горбом (А. Блок)). Косвенную формальную экспликацию агенса может получить через формы косвенных падежей, в этом случае следует говорить о плане суждения («Поцелуйте дочку!» Вот и всё – Как скупо! – Быть несчастной – глупо. Значит, ставим точку. Был у **Вас** бы малый Мальчик, сын единый – Я бы **Вам** сказала: «Поцелуйте сына!» (М. Цветаева) – косвенные падежные формы Вас, Вам эксплицируют соотношение императивных глаголов с формой 2-го лица: *Вы поцелуйте). В текстах, где в формах косвенных падежей эксплицирован субъект речи, говорящий «провоцирует» агенса совершить действие в собственных интересах, то есть говорящий перестаёт быть только участником коммуникативного акта, он становится своеобразным объектом действия, побуждает направить действие на себя. Милльоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы. Попробуйте, сразитесь **с нами!** (А. Блок); Вернись **ко**

мне скорее: Мне страшно без тебя (О. Мандельштам); Приду и стану на порог, Скажу: «Отдай **мне** мой платок!» (А. Ахматова); Душа черства. И с каждым днём черствей. – Я гибну. Дай **мне** руку. – Нет ответа (Г. Иванов); Приди **ко мне, ко мне** приникни И позабудься на груди (И. Северянин).

Таким образом, при анализе императивного высказывания следует говорить о полисубъектности и разграничивать такие понятия, как субъект речи (говорящий, субъект коммуникативного акта, относящийся к плану суждения, осуществляющий различные коммуникативные функции) и синтаксический субъект (потенциальный исполнитель действия, относящийся к грамматическому плану предложения). Высказывание может относиться к говорящему, к собеседнику или к третьему лицу, что выражается в предложении в формах 1-го, 2-го, 3-го лица. Синтаксический субъект может быть выражен эксплицитно и имплицитно, что соотносится на грамматическом уровне с двусоставными и односоставными структурно-синтаксическими конструкциями предложений.

Модальная контаминация, полисубъектность обуславливают активное употребление императивных конструкций как средства субъективности и экспрессии художественных текстов поэтами 1 половины XX века.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алтабаева Е.В. О выражении субъекта в оптативных предложениях // Грамматическое значение предложения и семантика высказывания: Межвуз. сб. науч. трудов. – М., 1987. – С. 16-24.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 2005. – 576 с.

3. Берляева Т.Н. Средства выражения предикативных значений предложения // Грамматическая и семантическая структура предложений с инфинитивом и предикативами волеизъявления. – Межвуз. сб. науч. трудов. – М., 1983. – С. 54-63.
4. Большой толковый словарь русского языка: Ок. 60 000 слов / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 2004. – 1268 [12] с.
5. Виноградов В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). – М., 1972. – 616 с.
6. Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970. – 768 с.
7. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 2007. – 368 с.
8. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М., 1973. – 352 с.
9. Иосифова В.Е. Побудительные высказывания с формами сослагательного наклонения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2009. № 2. – С. 31-36.
10. Лекант П.А. К вопросу о синтаксическом субъекте // Очерки по грамматике русского языка. – М., 2002. – С. 138-146.
11. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения: Семиологическая грамматика. – М., 2007. – 360 с.
12. Химик В.В. Коммуникативное лицо и некоторые особенности его выражения в глагольных формах // Грамматическое значение предложения и семантика высказывания: Межвуз. сб. науч. трудов. – М., 1987. – С. 24-32.